

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-261-269

ЖЕНСКИЙ ХАРАКТЕР КАК ВАРИАЦИЯ «ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО» И «ИДЕАЛЬНОГО» НАЧАЛ ЖИЗНИ В РОМАНАХ И.А. ГОНЧАРОВА И ЕГО ПУШКИНСКИЕ ИСТОКИ

Семакина А.А.

Московский городской педагогический университет

129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются женские образы из романной трилогии Гончарова в свете «положительного» и «идеального» начал, а также их пушкинские истоки. Гончаров полагал, что в романе «Евгений Онегин» Пушкиным были созданы такие женские образы, к которым впоследствии будут восходить практически все романские героини в отечественной литературе. Эта идея в полной мере воплотилась в художественной антропологии писателя. Автор доказывает, что принцип «положительное – идеальное», по которому Гончаров разделил и сопоставил пушкинских героинь, можно с уверенностью применить к его романной трилогии.

Ключевые слова: И.А. Гончаров, А.С. Пушкин, «Евгений Онегин», романная трилогия, женские персонажи, положительное, идеальное.

FEMALE CHARACTER IN GONCHAROV'S NOVELS AS A VARIATION OF THE «POSITIVE» AND «IDEAL» LIFE BEGINNINGS AND ITS PUSHKIN'S SOURCES

A. Semakina

Moscow City Teacher Training University

4, 2-y Selskokhozyaystvennyy pr-d, 4, Russian Federation, 129226

Abstract. The article analyses Goncharov's female characters in his novels in the light of «positive» and «ideal» life beginnings and their Pushkin's origins. Goncharov believed that Pushkin had created universal female characters for the whole Russian literature. This idea is fully embodied in the writer's artistic anthropology. The author proves that the principle of «positive — an ideal», which Goncharov shared with Pushkin while describing female characters, may be definitely applied to his trilogy of novels.

Keywords: I. Goncharov, A. Pushkin, «Eugene Onegin», novel trilogy, female characters, positive, ideal.

О пушкинском влиянии в творчестве Гончарова существует немало работ, назовём наиболее значимые для нашего исследования труды Е.А. Краснощековой [8], М.В. Отрадина [11], В.П. Сомова [12], А.Г. Цейтлина [13].

Известно, что Гончаров высказывался об определяющей роли художественных открытий Пушкина для русской литературы. В своей статье «Лучше поздно, чем никогда» он писал о том, что в романе «Евгений Онегин» Пушкиным были созданы такие женские образы, к которым впоследствии будут восходить практически все романские героини в отечественной литературе. По его мнению, у Пушкина сложилась прочная типологическая пара женских персонажей, в которой поэту удалось «сформулировать» самую суть русской женщины. Гончаров выделяет «положительный» тип, т. е. пушкинскую Ольгу, и в «противоположность» ему говорит об идеале – пушкинской Татьяне [1, с. 77]. И поясняет, что «положительное» есть полное и верное отражение эпохи, лучшего, что в ней есть, а идеальное превосходит «положительное» потому, что в нём сильны начала «самобытности и самостоятельности».

Неожиданность характеристики Ольги как существа «положительно-го», тогда как читателю в этом качестве видится Татьяна, лишь высвечивает самое главное в том, как Гончаров понимал суть пушкинской художественной антропологии. Женской «положительности», с его точки зрения, противопоставит не отрицательное начало, но «идеальное».

Как романист Гончаров рассматривал пушкинских Ольгу и Татьяну в качестве национальных литературных архетипов, воспроизводимых затем в отечественной традиции, которые определили образную структуру и его собственных романских текстов.

Признавая, что открытая Пушкиным параллель «положительного» и

«идеального» в женском характере едва ли неприложима ко всей русской литературе, Гончаров, однако, применительно к своему творчеству обозначает соотносённость с нею лишь героиню своего романа «Обрыв» [1, с. 78], намечая при этом общие линии, которые, безусловно, стоит конкретизировать. Есть смысл предположить, что женские образы и в других произведениях романной трилогии Гончарова транслируют этот принцип «положительное – идеальное», образуя целые парадигмы женских персонажей, так или иначе несущих в себе черты «положительной» Ольги и «идеальной» Татьяны. Тем не менее, последуем логике Гончарова-критика и обратимся вначале к роману «Обрыв».

Марфиньку¹ сам Гончаров относил к «положительному» типу, вмещающему в себя всё самое лучшее, что устоялось в традиции: она никогда не ослушается старших, ничем не огорчит Бабушку². Пушкинская Ольга и гончаровская Марфинька воплощают собой лучшее, что есть в большинстве достойных и вполне обычных русских провинциальных дворянках: добропорядочное воспитание, милый характер, доброту, готовность стать прекрасной женой и матерью. В этом и заключается то качество «положительности», о котором писал Гончаров.

Выявим, какие именно «опорные точки», заданные в пушкинской Ольге, развиваются Гончаровым в Марфиньке, а что, наоборот, скрыто. Отметим схожие черты обеих героинь: обе пре-

¹ Написание имени соответствует тому, как оно представлено у Гончарова в романе.

² Прописная буква использовалась самим Гончаровым в именовании героини в его статье «Лучше поздно, чем никогда». Здесь мы следуем за Гончаровым-критиком.

лестны, милы, хороши собой, веселы, простодушны, общительны, но при этом скромны и послушны. Воспроизводя в Марфиньке бездумную весёлость Ольги, Гончаров вместе с тем поэтизирует этот женский тип. Писатель лишает его возможных отрицательных коннотаций, которые были у Пушкина, и подчёркивает «положительность».

В «Евгении Онегине» Ольга далеко не лишена отрицательных граней: Пушкин показывает, что красота и жизнерадостность Ольги не могут скрыть бедности её душевного мира, в её чертах *нет жизни*. Ольга живёт бездумно, как бы по привычке. И у Пушкина это – настораживающий знак, тогда как Гончаров ведёт повествование о своей героине в подобном ключе без всякого пренебрежения. Наоборот, он показывает, что Марфинька прекрасна именно потому, что она такая: «Боже тебя сохрани меняться, быть другою! <...> Ты перл, ангел чистоты... ты светла, чиста, прозрачна...» [2, т. 7, с. 259].

Отметим, что такие качества, как заботливость и щедрость, усилены Гончаровым в образе Марфиньки, тогда как в Ольге эти черты лишь потенциальны: в будущем она вполне может стать радушной и щедрой хозяйкой, ведь у неё перед глазами живой пример матери.

Образы Ольги и Марфиньки являются «пассивным выражением эпохи», всего того, что устоялось в обществе веками. Это «идеал простой, чистой натуры» [2, т. 7, с. 176]. Героини довольны тем, что наследуют, ведь жизнь в таком случае течёт спокойно и без потрясений. По Гончарову, не только великие личности должны наполнять

мир. Положительный ход истории совершается во многом благодаря таким «простым» и «чистым» людям, как его Марфинька – продолжение пушкинской Ольги.

Гончаровская Вера относится ко второму типу женских характеров – *идеальному*. Она сравнима с пушкинской Татьяной, в которой, по мнению В. С. Непомнящего, «воплотилась пушкинская жажда веры в высший смысл бытия» [10, с. 292]. Одна из главных черт героини Пушкина – способность к великой, самоотверженной любви. Несмотря на то что, по справедливому мнению С. Г. Бочарова, можно говорить о «любовном несовпадении и превосходстве героини» [6, с. 152] над Онегиным, Татьяна не только сама вырастает в своей любви к нему, но и возлюбленного меняет и возвышает. Как верно отмечает И.А. Беляева, «Татьяна начала и конца романа – разные эпохи одного человека хотя бы только потому, что в финале героиня любит, а не влюблена в книжном духе <...> И именно эту новую Татьяну, в которой живёт и Татьяна прежняя, “та самая”, полюбил Онегин. Полюбил тем объемлющим чувством любви, которое вмещает в себя и духовное пробуждение» [4, с. 46, 51]. Данная ситуация схожа тем, как складываются отношения Веры и Марка Волохова.

И Татьяна, и Вера, возможно, не носили бы титула «идеальных», если бы не испытали большое чувство. Их любовь не схожа с любовью Ольги и Ленского или Марфиньки и Викентьева. Она иного качества, в ней скрещиваются все токи: и земные, человеческие, где быт, телесность, семья, рождение детей, и небесные, где не только плоть и кровь, но и душа. Отметим также,

что ни Татьяна, ни Вера не перестают любить своих избранников, но, как бы ни была сильна их страсть, героини оказываются сильнее, их чувства выше страсти, хотя и не лишены её.

В конце романа, когда Татьяна отказывает Евгению, «она жертвует собою ради Онегина», благодаря чему «себя сохраняет, спасает как личность» [9, с. 314]. То же самое можно сказать про гончаровскую Веру, которая отказывается совершить побег вместе с Марком и благодаря *старой правде* находит для себя *новый путь*. И здесь тоже присутствует мотив спасения. Не случайно Марк готов идти на уступки, его не отпускает эта история с Верой: «Обвенчаемся, и я останусь здесь до тех пор, пока... словом, на бессрочное время» [2, т. 7, с. 701]. Думается, герой стал немножко лучше, чем был «до Веры».

Параллель «положительное – идеальное» присутствует не только в «Обрыве», на который указывал сам Гончаров, но и в других его романах. Слабые отголоски пушкинской Ольги присутствуют, по нашему мнению, в чертах простой душой и сердцем Агафьи Пшеницыной. Если Ольга будет хорошей матерью и хозяйкой, то Агафья Матвеевна таковой уже является. Обе они крепко связаны с традицией. Обломов сравнивает Агафью Матвеевну с огнём – домашним очагом, – «от которого становится всё теплее и теплее» [2, т. 4, с. 382]. Думается, что жизнь Ильи Ильича в доме на Выборгской стороне есть своего рода реализация «возможного» сюжета жизни Ленского, где на роль хозяйки вполне подходят такие героини, как Ольга или Агафья Матвеевна. Кстати, Марфинька («Обрыв») мечтала быть похожей на такой тип женщины: «Буду в зрелых

годах, буду своим домом жить» [2, т. 4, с. 178]. И именно такой, на наш взгляд, станет в итоге и пушкинская Ольга.

Думается, что в Агафье Матвеевне Пшеницыной есть немало того, что составляет ядро «положительного» типа русской женщины.

На другом конце параллели «положительное – идеальное» в романе «Обломов» располагается образ Ольги Ильинской. «Робкая, молчаливая» [2, т. 4, с. 204], она относится к «идеальному» типу характера, в ней присутствуют отголоски Татьяны. Как и Татьяна, Ольга кажется чужой в своей среде. Подобно пушкинской героине, у неё свой путь – «самобытный и самодеятельный».

Гончаров отмечает, что Ольга далека от идеала красоты: она «в строгом смысле не была красавица» [2, т. 4, с. 191]. Сравним с пушкинской Татьяной, которая «не привлекла б очей...» [3, т. 4, с. 47]. При этом мысль – доминанта портрета Ольги: «присутствие говорящей мысли светилось в зорком, всегда бодром, ничего не пропускающем взгляде тёмных, серо-голубых глаз» [2, т. 4, с. 191]. Нет в ней «никакой лжи, никакой мишуры, ни умысла», как и у пушкинской Татьяны, хотя героиня Гончарова «была не без лукавства» [2, т. 4, с. 343].

В любви к Обломову Ольгу ждут важные для роста её души страдания, подобные тем, что пережила и Татьяна. Не случайно Штольц «увидел потом в выросшей и созревшей Ольге не только роскошь расцветшей красоты, но и силу, готовую на жизнь и жаждущую разума и борьбы с жизнью» [2, т. 4, с. 449].

«Идеальными» чертами гончаровской Ольги и пушкинской Татьяны

являются внутренняя сила, душевная крепость, уверенность в себе, доброта, простота, свой, не похожий ни на чей другой, образ мыслей. Однако примечательно, что «идеальное» в обеих героинях сосуществует с такими качествами, как гордость и самолюбие, что лишний раз доказывает убеждение Гончарова: идеал в жизни всегда требует «уступок» [1, с. 319].

На пушкинские истоки художественной образности в «Обыкновенной истории» указывали многие исследователи, но это касалось мужских персонажей: например, Александра Адуева сопоставляли с Ленским [8, с. 81]. С женскими персонажами дела обстояли сложнее. Так, Надинька Любецкая, по своей ветрености чем-то напоминающая пушкинскую Ольгу, едва ли может быть отнесена к «положительному» типу. Да и её «измена» Александру качественно иная, чем поступок героини Пушкина. Обе «бросают» поэтов, но по разным причинам. Любецкой нужен был «необыкновенный» избранник. Мир «обыкновенного» ей тесен. Думается, в этом она ближе к пушкинской Татьяне.

Таким образом, в образе Надиньки пока ещё малоразличимы *положительное* и *идеальное*. Гончаров смог показать, что в одном женском характере они могут сосуществовать в одно и то же время, обнаруживая как раз свою родственность.

Патриархальной мудростью, которая, на наш взгляд присутствует в «положительном» типе, Гончаров наделяет, скорее, не Надиньку, а мать Александра, вся суть природы которой проявляется в неуклонной, неутомимой заботе о благе своего ребёнка. К «положительному» типу мы можем от-

нести и Софью, первую возлюбленную Александра, которая символизирует собой дом и семью.

А вот в образе Юлии Тафаевой представлено начало «идеальное», однако в травестирированном виде. Эта героиня Гончарова «взяла себе за образец Татьяну и мысленно повторяла своему идеалу пламенные строки Татьянина письма к Онегину, и сердце её ныло, билось. Воображение искало то Онегина, то какого-нибудь героя мастеров новой школы – бледного, грустного, разочарованного» [2, т. 1, с. 364]. Однако излишнее подражание своему идеалу производит комический эффект на читателя. Впоследствии Юлия, подобно Татьяне, писала возлюбленному письма, но по содержанию они были далеки от писем пушкинской героини. Не удивительно, что чрезмерная, излишне романтизированная и страстная любовь Юлии наскутила Александру.

Возможно, в данном случае комическое снижение «идеальности» героини подчинено задаче показать, что идеал в жизни невозможен без отступлений от него. Юлия Тафаева слишком упорно пытается *подражать* идеалу, но не живёт с ним в душе. Она забывает о том, что в жизни необходимо быть собой, то есть натурой «самобытной и самодеятельной», чем не только вызывает горькую улыбку у читателя, но и раздражение со стороны Адуева.

Словом, «идеал» пушкинской Татьяны – нечто внешнее для Юлии Тафаевой. Так не стремится ли Гончаров тем самым в своём первом романе развенчать его, свести с пьедестала, как это было, например, у Тургенева в ряде поэм 1840-х годов [5; 7]? Во всяком случае, писатель готов взглянуть на него

иронически, если реализация идеала свидетельствует о своей неполноте.

Подобные процессы, правда, с другой интонацией, скорее трагической, дают о себе знать и в случае с образом Лизаветы Александровны Адуевой. В подтексте образа тётюшки Александра прослеживается пушкинская Татьяна – в качестве предыстории её девичества и становления, которой в романе Гончарова нет. Мы ничего не знаем о Лизавете Александровне, поскольку видим её уже замужней дамой, то есть фактически Гончаров начинает историю Лизаветы Александровны там, где Пушкин прощается с Татьяной.

Гончаров показал «идеальную» женскую натуру, которая поставлена в «обыкновенные» обстоятельства семьи и брака, однако старается не примиряться с ними.

Автор «Обыкновенной истории» предлагает читателю современный контекст, в котором могли бы реализовать себя те начала женской идеальности, описанные Пушкиным, применительно к своему времени. Это был общий для русской литературы 1840-х годов вектор не то чтобы пересмотра пушкинских антропологических идей, но осмысление их в новом времени и в новой реальности. Однако, если Тургенев в своих сочинениях 1840-х годов высветил исключительно иронически ту высокую идеальность женщины, которая со всей полнотой раскрывалась у Пушкина в «возможном» сюжете и прежде всего в линии Татьяны, то у Гончарова её «продолжение» будет в высшей степени трагическим. У Тургенева за иронией также скрывается высокий драматизм и катастрофичность бытия, но Гончаров предлагает взглянуть на ситуацию не только исходя из

неизбежного снижения и примирения идеала к жизни. Он готов как травестировать идеальное – в образе Юлии Тафаевой, так и трагически его возвеличить – в образе Лизаветы Александровны. Гончаров согласен, что идеал и современность плохо согласуются между собой, однако видит не только комические метаморфозы идеальности, но и способность идеала не терять своих высоких смыслов, даже если он оказывается перед бездной. Писатель не признаёт её полного проигрыша: пошлость, даже если и торжествует, а «обыкновенная история», даже если и всегда случается так, как написано в романе, не всеильны – они имеют свои пределы. А вот красота женской души, её способность к «самобытности и самодеятельности», её творческая сущность непреложны, хотя страдают и даже гибнут под властью обстоятельств, как это практически и происходит с Лизаветой Александровной, несмотря на «финальное поражение» [9, с. 114] Петра Адуева перед судьбой.

Итак, Гончаров считал, что все женские образы в русской литературе берут своё начало от пушкинских Ольги и Татьяны. Принцип «положительное – идеальное», по которому Гончаров разделил и сопоставил пушкинских героинь, можно с уверенностью применить к его романной трилогии, в которой образуются парадигмы женских персонажей, так или иначе несущих в себе «положительные» и «идеальные» черты.

В отличие от Пушкина, Гончаров принимает и поэтизирует с доброй иронией такой тип героини, который называет «положительным». Они – пассивное выражение своего времени, однако в них отражаются все лучшие качества эпохи. Женские персонажи

данного типа способны быть велико-
лепными хозяйками, матерями и лю-
бящими женами. «Положительный»
тип невозможно не полюбить. «Оттен-
ки» [1, с. 78] пушкинской Ольги мож-
но обнаружить в образах Марфиньки,
Агафьи Пшеницыной, Софьи («Обык-
новенная история»), матушки Алек-
сандра Адуева, Надиньки, а также во
всех жительницах Обломовки.

Героини «идеального» типа несут в
себе великую тайну женского сердца:

«тайны бытия, тайны человека, тай-
ны России», «свою мечту об идеаль-
ном, прекрасном человеке» [10, с. 290].
Они деятельны и внутренне свобод-
ны. Таковы гончаровские Вера, Ольга
Ильинская, отчасти Любецкая и Лиза-
вета Александровна. Однако Гончаров
не упускает возможности и взглянуть
на пушкинский и свой идеал ирони-
чески. Примером тому служит образ
Юлии Тафаевой.

ИСТОЧНИКИ:

1. Гончаров И.А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. Статьи, заметки, рецензии, автобиогра-
фии, избранные письма. М.: Государственное издательство художественной литера-
туры, 1952–1955.
2. Гончаров И.А. Полное собрание сочинений: в 20 т. СПб.: Наука, 1997. Издание про-
должается.
3. Пушкин А.С. Собрание сочинений в десяти томах. М.: Государственное издательство
художественной литературы, 1959–1962.

ЛИТЕРАТУРА:

4. Беляева И.А. Генезис русского классического романа («Божественная комедия» Данте
и «Фауст» Гёте как истоки жанра): учебное пособие. Ч. I. М.: МГПУ, 2011. 280 с.
5. Беляева И.А. «Онегинская» традиция в творчестве И.С. Тургенева // Спасский вест-
ник. Тула. 2008. Вып. 15. С. 29-35.
6. Бочаров С.Г. Проблема реального и возможного сюжета: «Евгений Онегин» // Генезис
художественного произведения: Материалы советско-французского коллоквиума.
М., 1986. С. 143-155.
7. Дубинина Т.Г. Пушкинские традиции в творчестве И.С. Тургенева 1840-х – начала
1850-х годов: дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 203 с.
8. Краснощекова Е.А. И.А. Гончаров: Мир творчества. СПб.: Пушкинский фонд, 1997.
492 с.
9. Ларин С.А. «А зачем ты чашку-то разбил?» (о «гончарной» символике в романе
И.А. Гончарова «Обломов» // Вестник Московского государственного областного
университета. Серия: Русская филология. 2011. № 5. С. 109-116.
10. Непомнящий В.С. «Евгений Онегин» как «проблемный роман» // «Да ведают потомки
православных. Пушкин. Россия. Мы». М.: Сестричество во имя преподобномучени-
цы Великой княгини Елизаветы, 2001. С. 270-320.
11. Отрадин М.В. Проза И.А. Гончарова в литературном контексте. СПб.: Изд-во
С.-Петербург. ун-та, 1994. 169 с.
12. Сомов В.П. Пушкинские традиции в прозе И.А. Гончарова 30-х годов // Учёные за-
писки Московского педагогического института. 1969. № 315. С. 303-311.
13. Цейтлин А.Г. И.А. Гончаров. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 492 с.

REFERENCES

1. Goncharov I.A. *Sobr. soch.: v 8 t. T. 8. Stat'i, zametki, retsenzii, avtobiografii, izbrannye pis'ma* [Coll. works: in 8 vols. Vol. 8. Articles, notes, reviews, biography, selected letters]. M., Gos. izd-vo khudozh. lit., 1952–1955.
2. Goncharov I.A. *Polnoe sobranie sochinenii: v 20 t.* [Complete works: in 20 vols.]. The publication continues. M., Nauka, 1997.
3. Pushkin A.S. *Sobranie sochinenii v desyati tomakh* [Works in ten volumes]. M., GIKHL, 1959–1962.
4. Belyaeva I. A. *Genezis russkogo klassicheskogo romana («Bozhestvennaya komediya» Dante i «Faust» Gete kak istoki zhanra): ucheb. posobie. CH. I* [The Genesis of the Russian classical novel ("The Divine Comedy" by Dante and "Faust" by Goethe): textbook. P. I. M., MGPU, 2011. 280 p.
5. Belyaeva I. A. «Oneginskaya» traditsiya v tvorchestve I.S. Turgeneva ["Onegin" tradition in the works of I. Turgenev] // *Spasskii vestnik. Tula.* 2008. no. 15. pp. 29–35.
6. Bocharov S. G. *Problema real'nogo i vozmozhnogo syuzheta: «Evgenii Onegin»* [The problem of real and possible story: "Eugene Onegin"] // *Genezis khudozhestvennogo proizvedeniya: Materialy sovetsko-frantsuzskogo kollokviuma* [The Genesis of works of art: proceedings of Soviet-French Colloquium]. M., 1986. pp. 143–155.
7. Dubinina T. G. *Pushkinskie traditsii v tvorchestve I.S. Turgeneva 1840-kh – nachala 1850-kh godov: dis. kand. fil. nauk* [Pushkin's traditions in creativity of I. Turgenev in 1840s – the beginning of the 1850s: candidate of Philological Sciences thesis]. M., 2011. 203 p.
8. Krasnoshchekova E. A. *I.A. Goncharov: Mir tvorchestva* [I. Goncharov: World of creativity]. SPb., Pushkinskii fond, 1997. 492 p.
9. Larin S. A. «A zachem ty chashku-to razbil?» (o «goncharnoi» simbolike v romane I.A. Goncharova «Oblomov») ["Why did you break the cup?" ("pottery" symbolism in I. Goncharov's novel «Oblomov») // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya.* 2011. no. 5. M.: MGOU. pp. 109–116.
10. Nepomnyashchii V. S. «Evgenii Onegin» kak «problemnyi roman» ["Eugene Onegin" as a "problem novel"] // *Sbornik statei «Da vedayut potomki pravoslavnykh. Pushkin. Rossiya. My»* [A collection of articles "Let the descendants of the Orthodox know. Pushkin. Russia. We"]. M., Sestrichestvo vo imya prepodobnomuchenitsy Velikoi knyagini Elizavety, 2001. pp. 270–320.
11. Otradin M. V. *Proza I.A. Goncharova v literaturnom kontekste.* [The prose of I. Goncharov in the literary context.]. SPb., Izd-vo S.-Peterburg. un-ta, 1994. 169 p.
12. Somov V. P. *Pushkinskie traditsii v proze I. A. Goncharova 30-kh godov* [Pushkin's traditions in I. Goncharov's prose in 1930s] // *Uchenye zapiski Mosk. ped. in-ta.* 1969. no. 315. pp. 303–311.
13. Tseitlin A. G. *I.A. Goncharov* [I. Goncharov] / AS USSR. Inst. of world lit. n.a. A.M. Gorky. M., Izd-vo AN SSSR, 1950. 492 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Семакина Александра Андреевна – аспирант кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета;
e-mail: lenor495@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexandra Semakina – postgraduate of the Department of Russian literature of the Moscow City Pedagogical University.

e-mail: lenor495@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Семакина А.А. Женский характер как вариация «положительного» и «идеально-го» начал жизни в романах И.А. Гончарова и его пушкинские истоки // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 261-269.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-261-269

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

A. Semakina. Female character in Goncharov's novels as a variation of the «positive» and «ideal» life beginnings and its Pushkin's sources // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no. 5. pp. 261-269.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-261-269